

Старостина А. Б.

(Институт востоковедения Российской академии наук, Россия; abstarostina@gmail.com)

ИСТОЧНИКИ МИНИАТЮРЫ ПУ СУНЛИНА О ТОРГОВЦАХ ЖИВЫМ ТОВАРОМ

Аннотация: Реконструкция авторской стратегии в сборнике «Ляо Чжай чжи и» (聊齋誌異) подразумевает определение того, в какой степени текст отражает современные Пу Сунлину этнографические и фольклорные реалии. В статье предложен подход к решению этой задачи на материале миниатюры «Превращение в скотов» («Цзао чу», 造畜). В исследовательской литературе ее возводят или к танскому рассказу «Третья хозяйка с моста Баньцяо» (IX в.), или к актуальным для времени написания демонологическим представлениям. На основе анализа общей структуры миниатюры и ее лексических особенностей, а также сравнения текста с более ранними произведениями, посвященными превращениям людей в животных, сделан вывод о том, что источниками текста стали доступные автору в повседневной жизни этнографические сведения, а также переработанное ядро рассказа «Третья хозяйка...», дополненное широко распространенными фольклорными мотивами.

Ключевые слова: Пу Сунлин, китайский фольклор, кросскультурные связи, демонологические представления, оборотничество.

Starostina Aglaia

(Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia; abstarostina@gmail.com)

SOURCES OF PU SONGLING'S MINIATURE TALE *MAKING ANIMALS*

Abstract: The reconstruction of the author's original strategy in the collection *Liao Zhai zhi yi* (聊齋誌異) implies the ascertaining of the extent to which the text reflects the ethnographic and folklore facts contemporary for Pu Songling. The article offers an attempt of the approach based on the examination of a miniature tale called *Making Animals* (*Zao chu*, 造畜). Researchers see its origins either in the Tang story *Third Lady of Banqiao Bridge* (9th century) or in current demonological beliefs. An analysis of the general structure of the miniature and its lexical features has been conducted. On its basis, as well as on the basis of the comparison of the text with earlier works about the transformation of human beings into animals, we conclude that the sources of the tale were ethnographic information obtained by the author in everyday life, and the story *Third Lady...* combined with several widespread folklore motifs.

Keywords: Pu Songling, Chinese folklore, cross-cultural communication, demonological beliefs, shapeshifting.

Жанр, получивший позже наименование *чуаньци* (傳奇) — «повествования об удивительном», — с самого своего возникновения, то есть приблизительно с начала эпохи Тан, подразумевал включенность произведения в интертекстуальное пространство. Эта особенность отмечается и у многих более ранних коротких мифологических рассказов; но последние еще сохраняли установку на

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

достоверность, полностью отсутствующую в новеллах *чуаньци*. Обязательная для китайской фантастической сюжетной прозы опора на фольклорный материал одновременно позволяла максимально вольное с ним обращение.

Как и другие новеллисты, Пу Сунлин постоянно использовал фольклорные материалы. Он обращался и к устным источникам, и к записям современников. Роль беспристрастного собирателя, которую иногда принимали на себя *literati*, опрашивая знакомых, слуг и крестьян и записывая их сообщения с минимальными искажениями, была ему чужда. Фольклорное было вписано в литературу, а литература кодировала социальное и политическое; тексты Пу Сунлина отличаются интерсемиотичностью и интертекстуальностью. При этом он легко пренебрегает временными и пространственными рамками. Современные ему шаньдунские мифологические рассказы формируют образный каркас для множества рассказов в «Ляо Чжай чжи и»; в то же время большой сегмент этого сборника обыгрывает мотивы и сюжеты фантастической прозы эпохи Тан, тоже имеющей фольклорные истоки и связанной с самыми разными локациями и культурными субстратами.

Выделение актуальных этнографических и фольклорных сведений в работах Пу Сунлина требует осторожности и внимательности. Эта задача стоит по отношению ко всему корпусу «Ляо Чжай чжи и», и без ее системного решения едва ли возможно составить адекватное представление об авторском замысле и понять, как устроена *вселенная* сборника.

В настоящей статье будет предпринята попытка определить, какими были источники миниатюры «Превращение в скотов» («Цзао чу», 造畜) из второго *цзюаня* «Ляо Чжай чжи и» (по делению, принятому в издании Чжан Юхэ, 張友鶴 [1]). Внешне она напоминает этнографическую зарисовку, написана ритмизованной прозой и посвящена разновидностям порчи и колдовства (*янь мэи*, 魘昧 или 魘魅). В исследовательской литературе существует два мнения по поводу происхождения данного текста: его возводят к танскому рассказу «Третья хозяйка с моста Баньцяо» или к современному Пу Сунлину устному мифологическому повествованию. Мы предложим возможное решение этого вопроса, обратившись, во-первых, к сравнительному материалу: к другим цинским сборникам сюжетной прозы, к текстам, входящим в сюжетное гнездо «Третьей хозяйки с моста Баньцяо», и к совокупности древних и средневековых рассказов, посвященных превращениям живых существ; во-вторых, к структуре самой миниатюры, ее содержанию и лексическим особенностям.

Для удобства читателя ниже приведен ее перевод (выполнен по изданию Чжан Юхэ [1, с. 185]).

Превращение в скотов

В искусстве порчи и колдовства есть разные пути. Приманивают кушаньями, потчуют хитро, — и дух смущается у человека, и он готов идти за [тем, кто угостил]. В народе это называют «вести на нитке», а к югу от Янцзы — «тянуть за нить». Дети неразумны — и попадают на эту уловку часто. Еще иные превращают людей

в зверей, это называется «делать скотами». К северу от Янцзы такое, кажется, бывает редко, к югу от Хуанхэ — гораздо чаще.

Случилось, что к одной гостинице в Янчжоу явился какой-то человек. За ним шла вереница ослов; всего их было пять. Он привязал их у лошадиной кормушки со словами: «Сейчас вернусь», — и попросил, чтоб не поили и не кормили. Ушел.

На жарком солнце ослы стали брыкаться и реветь. Хозяин гостиницы их отвел подальше и привязал в теньке. Но там, увидев воду, ослы к ней бросились, тогда он отвязал их и дал напиться. Глотнув воды, они свалились в пыль и тут же превратились в женщин. Ошеломленный трактирщик стал их спрашивать, в чем дело, но они отвыкли говорить и не смогли ему ответить. Он спрятал их в покоех.

Тем временем хозяин возвратился, уже с пятью баранами. Пригнал их во двор гостиницы и с удивлением спросил, куда девались ослы. Трактирщик усадил его, велел нести обед и заявил: «Поешьте, гость, покамест. Ослов сейчас вам приведут». Затем пошел на двор, баранов напоил. Те сразу, перевернувшись, обратились в мальчиков. Тогда трактирщик тайно доложил об этом в управу области. Оттуда прислали приставов; [хозяина] арестовали и палками забили насмерть.

СТРУКТУРА ТЕКСТА И СВИДЕТЕЛЬСТВА СОВРЕМЕННОКОВ

Текст миниатюры распадается на две видимые части: первая говорит о торговцах людьми, дающих жертвам с едой наркотик. Вторая часть посвящена таким же торговцам, владеющим магическим искусством превращения людей в животных, которым они пользуются, видимо, для удобства транспортировки (из текста следует, что волшебство уничтожается, как только жертва что-нибудь выпьет или съест; следовательно, использовать его для того, чтобы получать скот для продажи на рынке, было бы непрактичным). Эта часть проиллюстрирована примером, который и занимает большую часть объема всего текста.

Обратимся сначала к разбору первой части. Пу Сунлин сообщает о практике, которая к югу от Янцзы называется «тянуть за нить» (*чэ сюй*, 扯絮), а севернее — «вести на нитке» (*да сюй ба*, 打絮巴). Она заключается в том, что людей, чаще всего детей, угощают неким лакомством, после которого у них мутится в голове, и торговец может беспрепятственно увести их за собой. Такая деятельность и связанные с ней слухи известны и неоднократно описаны (см., например, [2, с. 67; 3; 4, с. 124 ff.; 5]). Дань Минлунь (但明倫, 1782–1855) в заметке к «Превращению в скотов» пишет: «Выражения “вести на нитке” и “тянуть за нить” обозначают, в общем, один и тот же прием. В разных провинциях его называют по-разному. В наших же местах [т. е. в Гуйчжоу — А. С.] говорят о “мулах на высоких ножках” (*гаоцзяо лоцзы*, 高脚骡子). Ведут с собой по дороге женщин до двух-трех сотен человек, якобы торговки; на самом деле — похищенных. Когда расспрашивают тех, кому удалось сбежать, они говорят: “Когда меня одурманили, показалось, что все вокруг потемнело или что вокруг тигры и пантеры или речная вода. Видна только одна тропинка посередине, и вдруг оказывается, что тебе остается только идти по ней”. Всеми такими делами занимаются уроженцы Сычуани и Чу» [1, с. 185–186].

Интересно, что Пу Сунлин квалифицирует действия торговцев людьми как «порчу и колдовство» (*янь мэи*, 魘昧 или 魘魅). Практики *янь мэи* (под которыми понимались разные способы ворожбы, направленные на нанесение вреда жизни и/или здоровью жертвы) подпадали под третий пункт 289 статьи «Законов Великой Цин» («Да Цин люй ли», 大清律例, английский перевод см. в [6, с. 275]). Со времен эпохи Тан, когда они назывались *я мэи* (厭魅), порча и колдовство относились к тяжким преступлениям из категории «безнравственных»; совершившие их, как правило, не подлежали амнистии (*бу дао*, 不道). Э. Т. Уильямс передает термин *бу дао* как *inhuman crimes* [2, с. 63], а В. М. Рыбаков — как «извращения» [7, с. 134].

Вторая часть открывается утверждением о том, что «превращение в скотов» встречается редко «к северу от Янцзы», а «к югу от Хуанхэ» — часто (при том, что бассейн Янцзы расположен южнее бассейна Хуанхэ). Если здесь нет ошибки, то Пу Сунлин ограничивает распространение описанной преступной практики территорией между южным берегом Хуанхэ и северным берегом Янцзы. Все же фраза звучит загадочно, поскольку место действия рассказанной далее истории — Янчжоу, то есть как раз регион, расположенный непосредственно на северном берегу Янцзы, а для него, по логике автора, подобные явления не особенно характерны. Поэтому Дж. Минфорд, например, в переводе пишет: «это реже случается на севере, но более распространено к югу от Желтой реки» [8, с. 198], а в сокращенном издании «Ляо Чжай чжи и» (1767) Ван Цзиньфана (王金範) дан такой вариант этого предложения: «Это искусство чаще всего встречается к югу от Янцзы» (*Цы шу цзян и нань цзуй до*, 此術江以南最多) [9, с. 240]; на этом варианте основан перевод Г. А. Джайлза [10, с. 265]. Действительно, земли к югу от Янцзы имели репутацию мест, где колдовство очень распространено (см., например, [11, с. 8]).

Как бы то ни было, Пу Сунлин бывал в Янчжоу и теоретически мог записать там историю о превращении людей в животных работоторговцами. Так, Чэн Ичжун (程毅中) высказал предположение о том, что в основу «Превращения в скотов» легло предание, ходившее в народе [12, с. 198]. Эту гипотезу принимает и К. Вибе (Рид), говоря о том, что текст из «Ляо Чжай чжи и» можно считать, «вероятно, частью той же общей фольклорной традиции, включающей другой набор мотивов» [13, с. 331].

Верифицировать эту версию не получается: известен еще только один цинский рассказ о злонамеренных колдунах, обращавших людей в скотину, — «Превращение в лошадей» («Бянь ма», 變馬) Чэн Линя (程麟) [14, с. 42]. Он написан в последней четверти XIX в., и его действие происходит, что интересно, как раз «на юг от Хуанхэ» — в Шаньдуне (здесь можно предположить оммаж Пу Сунлину). Это, очевидно, творческая переделка танской новеллы, о которой пойдет речь ниже; она не добавляет сведений о существовании подобных верований в эпоху Цин. О колдунах — торговцах людьми говорится в этнографическом сборнике Сюй Кэ (徐珂, 1869–1928) «Цин бай лэй чао» (清稗類鈔, «Сборник мелочей [эпохи] Цин, разбитый на разделы», 1916). Им посвящен особый параграф

в разделе «Мошенники» («Цин бай лэй чао», ХСХVI, 20), однако он представляет собой смесь миниатюры Пу Сунлина и процитированного выше комментария Дянь Минлуэ.

Подтверждений тому, что в Янчжоу (или где-нибудь в Китае вообще) после эпохи Тан существовали подобные верования, в настоящее время нет.

ГРУППА СЮЖЕТОВ О ПРЕВРАЩЕНИИ В ОСЛОВ

Некоторые исследователи видят источник «Превращения в скотов» в танском рассказе «Третья хозяйка с моста Баньцяо» («Баньцяо сань нянцзы», 板橋三娘子), известном также под названием «Записки о мосте Баньцяо» («Баньцяо цзи», 板橋記), сюжет которого тоже строится вокруг трансформации людей в ослов. Этот рассказ входил в ныне утраченную книгу «Записки о делах к востоку от [Желтой] реки» («Хэ дун цзи», 河東記), которую датируют IX в. (подробнее о сборнике и непосредственно о рассказе см. [15, с. 341–346]).

На связь «Превращения в скотов» Пу Сунлина с «Третьей хозяйкой...» указывали, например, Чэн Гофу (程國賦) [16, с. 35–36], Лю Шоухуа (劉守華) [17, с. 242], Мэн Чжаои (孟昭毅) [18, с. 168]. Как вероятный источник «Превращения в скотов» «Третья хозяйка с моста Баньцяо» включена в сборник материалов по «Ляо Чжай чжи и» под редакцией Чжу Исюаня (朱一玄) [19, с. 47–48]. Чэн Ичжун, как было сказано выше, допускает возможность прямой обработки Пу Сунлином современного ему народного предания и пишет, что «Превращение в скотов» «не обязательно было заимствовано из “Хэ дун цзи”» [12, с. 198].

До наших дней рассказ о Третьей хозяйке дошел в составе 286-го *цзюаня* «Тайпин гуан цзи» (太平廣記, «Обширных записей годов Тайпин», X в.), 41-го *цзюаня* «Гу цзинь шо хай» (古今說海, «Моря речений древности и современности», XVI в.), а также 32-го *цзюаня* «Гу цзинь тань гай» (古今譚概, «Очерка бесед древности и современности», XVII в., составитель Фэн Мэнлун, 馮夢龍). Это разные редакции одного текста, отличающиеся друг от друга незначительно. Содержание рассказа таково:

У города Бяньчжоу, рядом с мостом Баньцяо, стояла харчевня. Содержала ее некто Третья хозяйка. Харчевня процветала, и во дворе всегда находилось немало стадо ослов, которых можно было купить совсем недорого. Купец по имени Чжао Цзихэ по пути в столицу заночевал в этой харчевне. Там уже собралось шестеро или семеро гостей, которые заняли лучшие кровати. Цзихэ досталась узкая лежанка у стены. Хозяйка щедро угощала гостей и поила их вином, но Цзихэ пить не стал. Когда пьяные гости уснули, он заметил в комнате хозяйки свет и через щель в стене увидел, как женщина достала из шкатулки маленький плуг, деревянного вола и куклу, набрала в рот воды и прыснула на них. Человек распахал пол комнаты и засеял его гречихой; посеянная гречиха тут же поспела, была сжата и обмолочена. Потом с помощью маленьких жерновов зерно было смолото в муку. Хозяйка убрала человека в шкатулку, а из муки приготовила лепешки. Когда на завтрак подали свежие лепешки, Цзихэ, заподозрив неладное, отказался от еды. Спрятавшись неподалеку, он увидел, что все гости обернулись

ослами. Хозяйка загнала их во двор за харчевней, а деньги и товары забрала себе. Через месяц Цзихэ заехал на тот же постоянный двор. Он ухитрился подменить лепешки, в результате чего хозяйка сама отведала своего волшебного кушанья и превратилась в крепкую ослицу. Цзихэ тут же сел на нее и отправился в путь, прибрав человека с волон и все прочее. Впрочем, ее искусством он не овладел. Через четыре года, когда Цзихэ ехал на ослице по горной дороге, ему встретился старик, который узнал Третью хозяйку, сказал, что она искупила свою вину, и снова превратил ее в человека. Женщина поклонилась старику и ушла.

Ряд особенностей рассказа свидетельствует о его некитайском происхождении, что подтверждается сравнением данной сказки с нарративами из «Океана сказаний» и «Тысячи и одной ночи» [20; 17, с. 242–243]. Генеалогия связки мотивов, лежащей в основе сюжета, прослеживается как минимум до «Одиссеи» и может быть реконструирована с небольшой потерей звеньев (через «Золотого осла» Апулея и далее) [21; 22]. Очевидно, что сюжет этот был заимствован с Ближнего Востока, скорее всего, в устной версии, по торговым путям. Разбор источников и параллелей к «Третьей хозяйке...» приведен в [22], а также — кратко — в предисловии к английскому переводу этого рассказа К. Вибе (Рид) [13].

Ци Ляньсю (祁連休) в указателе сюжетных типов китайского палеофольклора в разделе, посвященном VI–X вв. (Суй — Тан — Пять династий), выделяет тип «Путешественники превращены в ослов» [23, с. 614–618]. При этом он приводит три примера этого типа, первые два из которых — почти совпадающие варианты «Третьей хозяйки...» из «Тайпин гуан цзи» и «Гу цзинь тань гай», а третий — уже упомянутый рассказ Чэн Линя, явная литературная обработка той же «Третьей хозяйки...». У Чэн Линя, впрочем, антагонистов несколько, среди них и женщины, и мужчины, основной зачинщик — мужчина, хозяин постоянного двора. Процесс магического посева зерна описан так: «Хозяин с какими-то другими людьми рассыпали на пол пшеницу, потом полили ее водой, накрыли куском ткани — вот как фокусы показывают. Х. [герой — А. С.] очень удивился и стал сосредоточенно смотреть, что будет дальше. Тут ткань стала вздуваться и поднялась на два *чи* с лишним. Когда хозяин снял ее, стало видно, что пшеница уже выросла и поспела. Пшеничные зерна облущили и размолоти в муку, из которой приготовили пампушки». Все постояльцы, кроме героя, съедают пампушки; затем хозяин выражает желание проводить гостей. У них начинается жажда; «чаю у них с собой не было, так что, достигнув берега реки, они набрали воды и начали пить. У одного из них лицо стало иссиня-черным, а потом превратилось в конскую морду. Хозяин хлестнул его плетью, и тот превратился в коня». То же происходит с остальными, а герой успевает сбежать и пожаловаться в управу. Там убеждаются в правдивости слов героя, скормив не съеденную последним пампушку приговоренному к смерти, и задерживают хозяина постоянного двора и его друзей [14].

Совпадение деталей и последовательности мотивов в этом рассказе с танским текстом практически не позволяет допустить, что у Чэн Линя был еще какой-то независимый устный источник. Единственная яркая деталь, отсутству-

ющая в первоначальном варианте, — внезапная жажда жертв, которые, выпив воды, немедленно превращаются в коней. Вода, таким образом, «активирует» волшебство пампушек. Однако здесь наиболее разумно предположить намеренную инверсию мотива, содержащегося в миниатюре Пу Сунлина, где вода, напротив, расколдовывает рабов торговца.

Для полноты картины следует упомянуть также об утраченной ныне юаньской драме «Записки об ослиной шкуре» («Люй пи цзи», 驢皮記), которая, по всей видимости, тоже была основана на сюжете «Третьей хозяйки...» [24, с. 229–230].

ПРЕВРАЩЕНИЯ ЖИВЫХ СУЩЕСТВ В КИТАЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

Бесконечное многообразие превращений живых существ в древних и средневековых китайских текстах можно очень приблизительно разделить на несколько групп (исключая превращения иллюзорные, не затрагивающие сущности животного или человека).

Прежде всего это рассказы о происхождении вещей и явлений, то есть этиологические предания. В них живое и неживое могло претерпевать самые разные метаморфозы. Типичный пример: «Некогда муж с женой и сыном пошли в горы охотиться; отец упал с обрыва, жена с сыном бросились ему на помощь, и все трое превратились в камни» (из трактата VI в. «Чжоу ди ту цзи», 周地圖記, по 398 *цзюаню* «Тайпин гуан цзи»).

В число зафиксированных ранее всего входят превращения, вписанные в общий порядок природы. Такими были, в частности, сезонные трансформации животных. Одни звери превращались в других, птицы — в моллюсков; для даосов это было ярким проявлением всеобщности мировых перемен. Сводя воедино сведения из нескольких древних текстов, «Шу и цзи» (述異記, «Записки о странном», вторая половина V в.) сообщает: «На реке Хуайшуй чижи к осени обращаются мидиями. Когда наступает весна, они снова становятся чижами. Прожив пять сотен лет, чиж превращается в устрицу» (цит. по 465 *цзюаню* «Тайпин гуан цзи»).

В различных животных и птиц по своей воле могли обращаться не только божества и демоны, но и бессмертные, и даже маги. Так, согласно «Ле сянь чжуань» (列仙傳, «Жизнеописаниям бессмертных», ок. II в. н. э.), некто Чжао Ко (趙廓) последовательно превращался в оленя, в тигра и в мышь (по 76 *цзюаню* «Тайпин гуан цзи»).

Есть спорадические упоминания о болезни, в результате которой человек превращается в тигра. Так, во втором *цзюане* «Хуайнань-цзы» (淮南子, II в. до н. э.) говорится о некоем Гунню Ае (公牛哀), который в течение семи дней был тигром. Когда его старший брат вошел в комнату, желая взглянуть на больного, тигр схватил его и убил. Часто превращение в животное бывает следствием безнравственного поведения человека, как в рассказе «Цяо Бэнь» (譙本) из «Е жэнь сянь хуа» (野人間話, «Досушие речи живущего в глуши», X в., по 430 *цзюаню* «Тайпин гуан цзи»): герой, непочтительный к родителям, противный всем од-

носельчанам, превращается в тигра после того, как его мать взывает к небесам. В таких нарративах можно видеть влияние буддизма с его представлениями о сансаре.

Примерно с III в. распространены упоминания о превращениях оборотней: они могут принимать облик неодушевленных предметов, а также других живых существ, чаще всего человека. Это, возможно, самая многочисленная группа, широко представленная уже в «Записках о поисках духов» («Соу шэнь цзи», 搜神記, IV в.).

Следует оговориться, что, хотя повествования о намеренном превращении человека в животное для Китая нетипичны, они существуют. В аналитическом каталоге фольклорно-мифологических мотивов Ю. Е. Березкина и Е. Н. Дувакина есть мотив К36 («Превращенный в животное»): «Герой (героиня) временно превращен(а) в животное (обычно в собаку/койота или в осла). Обычно, когда ему или ей помогают вернуть прежний облик, в животное превращен антагонист. В части текстов метаморфозу испытывает либо только герой, либо только антагонист» [25]. Несмотря на то что в этом указателе китайские источники представлены довольно скупо, для этого мотива приводятся два примера из Китая: та же «Третья хозяйка...» и сказка «Шляпа, которая по небу летала, и мотыжка, которая серебро копала» («Цзуань тянь мао хэ ва инь чу», 鑽天帽和挖銀鋤) [26, с. 201–207], [27, с. 59–64]. В этой истории, тоже явно поздней и пришедшей с Запада, к тому же, что характерно, записанной в западной провинции Ганьсу, герой превращает в обезьяну обидевшую его дочь помещика (международный сюжет АТУ 566 — «Три волшебных предмета и чудесные плоды»).

Как можно видеть, метаморфозы в «Третьей хозяйке...» и в «Превращении в скотов» в любом случае не типичны для китайской литературы и фольклора. Здесь мы имеем дело со злонамеренным превращением людей в животных, к тому же с корыстной целью (это отмечает и И. А. Алимов в очерке о сборнике «Хэ дун цзи» [15, с. 344]). Здесь не идет речь ни о естественном сезонном превращении, ни о процессе, осуществляющемся по собственной воле превращающегося (как у даосских бессмертных, способных свободно изменять свое тело). Нет речи и о трансформации в животное в наказание или в назидание, чаще всего в последующей жизни, но иногда и в этой. Даже исходно антропоморфные оборотни для китайской демонологии в целом не характерны [28, с. 22–25]. Характерно, что в «Тайпин гуан цзи» рассказ помещен именно в раздел «Иллюзии»: с точки зрения составителей свода, он описывал не изменение сущности жертв, а всего лишь сложный морок.

История о Третьей хозяйке пользовалась в Китае популярностью и из столетия в столетие с небольшими изменениями входила в разные сборники, однако в своей экзотичности она, скорее всего, не породила соответствующих поверий.

При этом маловероятно, чтобы рассказ о Третьей хозяйке ускользнул от внимания Пу Сунлина, который постоянно черпал мотивы, колорит и даже сюжеты целиком из танской прозы. Косвенное свидетельство его знакомства с рассказом — эпизод со стремительным выращиванием плодоносящего дерева в рас-

сказе из первого *цзюаня* «Ляо Чжай чжи и», переведенном В. М. Алексеевым под названием «Как он сажил грушу» [29, с. 109] («Чжун ли», 種梨): он мог быть написан под влиянием сцены с гречихой.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДРУГИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ МОТИВОВ

Если «Превращение в скотов», как мы предполагаем, и было написано под влиянием «Третьей хозяйки с моста Баньцяо», то автор не заимствовал сюжета этого рассказа (как впоследствии сделает Чэн Линь). В миниатюре использованы мотивы, присутствующие в «Третьей хозяйке...»: распространенный во всем мире мотив превращения с помощью еды (по классификации С. Томпсона — D551), а также комбинация мотивов, сводящаяся к злонамеренному превращению людей в ослов с корыстной целью.

Но Пу Сунлин органично соединил эти элементы с другими, следуя логике мифологического повествования: животные расколдовываются, когда нарушают наложенный колдуном запрет (ср. мотив D789.4 по С. Томпсону: «Расколдовывание посредством нарушения табу»); вода и пища человеческого мира освобождают из демонического пространства (ср. мотив D764 по С. Томпсону: «Расколдовывание посредством еды или питья»), точно так же, как зачарованное угощение перед этим перенесло жертв в иной мир. Кроме того, понятна немота только что расколдованных женщин: это остаточное явление, свидетельствующее о том, что они побывали в демоническом состоянии (мотив D2020 — «Магическая немота»). Используя образную рамку «Третьей хозяйки...» и соединяя присутствующие в ней мотивы с другими, Пу Сунлин конструирует мифологический нарратив, кодирующий восприятие вполне обыденной преступной деятельности, о которой он говорит в первой части миниатюры.

КАЛАМБУР В НАЗВАНИИ МИНИАТЮРЫ

Если в первой части миниатюры Пу Сунлин использует выражение «в народе называют» (*су мин юэ*, 俗名曰), то во второй, определяя «превращение в скотов», он ограничивается простым «называется» (*мин юэ*, 名曰). «Превращение в скотов» (*цзао чу*, 造畜), по словам автора, есть термин для описанного в рассказе волшебства. В таком значении упомянутый двуслог в письменных источниках до Пу Сунлина не встречается. Но у него есть другое прочтение, *цзао суй*, которое обозначает понятие из юридической практики: «изготовление и хранение [смертельного яда]». В законодательной практике статья об изготовлении и хранении яда обычно шла в связке со статьей о порче или ворожбе (*я мэй*, 厭魅; *янь мэй*, 魘魅). В танском кодексе это статьи 262 и 264 соответственно (подробно см. [7] и [30]). В «Законах Великой Мин» («Да Мин люй», 大明律) оба эти преступления относятся к 312-й статье («ворожба» со временем превращается в подпункт, частный случай «изготовления и хранения»), в цинском кодексе — к 289-й [11]. Случайно употребить эти два слова рядом Пу Сунлин едва ли мог. Первое пред-

ложение миниатюры: «В искусстве порчи и колдовства есть разные пути» (*Янь мэй чжи шу бу и ци дао*, 魘昧之術不一其道) — вообще перефразирует танский кодекс («Тан люй шу и», 唐律疏議, I, 6), где говорится (пер. В. М. Рыбакова [31, с. 88]): «Способов ворожбы и колдовства много, так что они не могут быть описаны все» (*Я мэй чжэ ци ши до дуань букэ цзюй шу*, 厭魅者其事多端不可具述).

Скорее всего, свежее прочтение старого юридического термина привело к появлению неологизма, а использование выражения *янь мэй* и первая фраза миниатюры должны были стать ключом для читателя к тому, что автор сознательно играет словами, а следующая далее история — плод его фантазии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В «Превращении в скотов» Пу Сунлин предпринимает попытку соединить социальную практику и паранормальный опыт современников со старинным экзотическим сюжетом. Учитывая, что параллелей к сюжету в записях фольклора эпох Мин — Цин и позже не существует (как минимум, они не известны исследователям), а центральный комплекс мотивов совпадает с таковым у танского рассказа, доказанно заимствованного с Запада через Центральную Азию, опора на актуальные мифологические представления во второй части текста маловероятна.

Указанием на то, что речь идет об экспериментальном фантазийном переосмыслении современных реалий с помощью старых мотивов, служит обыгрывание средневековых юридических текстов в названии и теле миниатюры.

Таким образом, основные источники «Превращения в скотов» — это доступные автору актуальные этнографические сведения, а также связка мотивов, заимствованная из танского рассказа «Третья хозяйка с моста Баньцяо» и дополненная несколькими широко распространенными в мировом фольклоре элементами.

Литература

1. 蒲松齡. 聊齋誌異會校會注會評本. 張友鶴輯校. 上海: 上海古籍出版社, 2011. [Пу Сунлин. Повести о странном из Досужего кабинета. С собранием текстологических замечаний, комментариев и критических суждений. Ред. и сост. Чжан Юхэ. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2011.] (На кит. яз.).
2. Williams E. T. Witchcraft in the Chinese Penal Code // Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society. 1907. Vol. 38. P. 61–96.
3. 郭松義. 清代刑案中記錄的蒙汗藥 // 清史論集. 北京: 紫禁城出版社, 2003. 頁144–149. [Го Суньи. Свидетельства о мэнханьяо (одурманивающем снадобье) в уголовных делах эпохи Цин // Цин ши луньцзи. Пекин: Цзыцзиньчэн чубаньшэ, 2003. С. 144–149.] (На кит. яз.).
4. ter Haar B. J. Telling Stories: Witchcraft and Scapegoating in Chinese History. Leiden: Brill, 2006.
5. 吳靜芳. 藥物與犯罪: 清代刑案所見麻藥的使用及其風險 // 故宮學術季刊. 2019. № 36 (3). 頁39–74. [У Цзинфан. Медицинские препараты и преступления: упоминания

- о применении наркотических средств и связанных с ним рисков в уголовных делах эпохи Цин // Гугун сюэшу цзикань. 2019. № 36 (3). С. 39–74]. (На кит. яз.).
6. The Great Qing Code. Transl. by W. C. Jones. New York: Oxford University Press, 1994.
 7. Рыбаков В. М. Уголовное преследование бесконтактных покушений на личность по законам династии Тан. Часть 1 // Вестник СПбГУ. Востоковедение. Африканистика. 2012. № 1. С. 129–137.
 8. Strange Tales from a Chinese Studio. Transl. and comm. by J. Minford. London: Penguin, 2006.
 9. 蒲松齡. 王刻《聊齋誌異》. 孟繁海、孟原校注. 濟南: 齊魯書社, 2003. [Истории о необычном из Досуемого кабинета в редакции Ван [Цзиньфаня] с комментарием. Пред. и комм. Мэн Фаньхая и Мэн Юаня. Цзинань: Ци Лу шушэ, 2003.] (На кит. яз.).
 10. *Pu Songling*. Strange Stories from a Chinese Studio. Transl. and comp. by H. A. Giles. London: T. De La Rue, 1880.
 11. *Zhao Xiaohuan*. Sorcery Crimes, Laws, and Judicial Practice in Traditional China (July 3, 2016) // Australian Journal of Asian Law. 2016. Vol. 17. No. 1. Article 1. URL: <https://ssrn.com/abstract=2804393> (дата обращения: 30.07.2020).
 12. 程毅中. 唐代小說史. 北京: 人民文學出版社, 2003. [Чэн Ичжун. История танской сюжетной прозы. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2003.] (На кит. яз.).
 13. *Wiebe C. E.* »Banqiao San Niangzi« 板橋三娘子 (Third Lady of Plank Bridge Inn) from Xue Yusi 薛漁思, Hedong Ji 河東記 // Tang Dynasty Tales: A Guided Reader. Singapore: World Scientific Publishing, 2016. P. 289–338.
 14. 程趾祥. 此中人語. 上海: 廣益書局, 1946. [Чэн Чжисян. Рассказы здешних людей. Шанхай: Гуанъи шуцзюй, 1946.] (На кит. яз.).
 15. *Алимов И. А.* Записи о сокровенных чудесах. Краткая история китайской прозы сяошо VII–X вв. СПб.: Петербургское востоковедение, 2017.
 16. 程國賦. 唐代小說嬗變研究. 廣州: 廣東人民出版社, 1997. [Чэн Гофу. Исследование эволюции танской сюжетной прозы. Гуанчжоу: Гуандун жэньминь чубаньшэ, 1997.] (На кит. яз.).
 17. 劉守華. 比較故事學論考. 哈爾濱: 黑龍江人民出版社, 2003. [Лю Шоухуа. Исследования по сравнительному изучению сказок. Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 2003.] (На кит. яз.).
 18. 孟昭毅. 絲路驛花: 阿拉伯波斯作家與中國文化. 銀川: 寧夏人民出版社, 2002. [Мэн Чжаои. Цветы на почтовых станциях Шелкового пути: арабские и персидские писатели и китайская культура. Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ, 2002.] (На кит. яз.).
 19. 朱一玄. 聊齋志異資料匯編. 天津: 南開大學出版社, 2002. [Чжу Исюань. Сборник материалов по «Ляо Чжай чжи и». Тяньцзинь: Нанькай дасюэ чубаньшэ, 2002.] (На кит. яз.).
 20. 板橋三娘子 // 楊憲益. 譯餘偶拾. 濟南: 山東畫報出版社, 2006. 頁59–63. [Третья хозяйка с моста Баньцяо // Ян Сяньи. Случайные находки во время, свободное от переводов. Цзинань: Шаньдун хуабао чубаньшэ, 2006. С. 59–63.] (На кит. яз.)
 21. *Scobie A.* Notes on Walter Anderson's „Märchen vom Eselmenschen“ // Fabula. 1974. Vol. 15. No. 3. P. 222–231.
 22. 岡田充博. 唐代小說“板橋三娘子”考. 張樺 譯. 西安: 西北大學出版社, 2019. [Окада Мицухиро. Исследование танского рассказа «Третья хозяйка с моста Баньцяо». Пер. на кит. Чжан Хуа. Сиань: Сибэй дасюэ чубаньшэ, 2019.] (На кит. яз.)
 23. 祁連休. 中國古代民間故事的類型研究. 石家莊: 河北教育出版社, 2007. [Ци Ляньсю. Исследование типов древних китайских народных сказок. Шицзячжуан: Хэбэй цзяюй чубаньшэ, 2007.] (На кит. яз.)

24. 胡穎. 元佚雜劇《驢皮記》本事考 // 古代文學教學熱點難點疑點述論. 蘭州: 蘭州大學出版社, 2010. 229–232頁. [Ху Ин. Источники пьесы «Записки об ослиной шкуре» // Гудай вэньсюэ цзясюэ жэдянь наньянь идянь шулунь. Ланьчжоу: Ланьчжоу дасюэ чубаньшэ, 2010. С. 229–232.] (На кит. яз.)
25. Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. Мотив К36. URL: <http://ruthenia.ru/folklore/berezkin/k36.html> (дата обращения: 30.07.2020).
26. Китайские народные сказки. Пер. и комм. Б. Л. Рифтина. М.: Художественная литература, 1972.
27. 甘肅民間故事選. 蘭州: 甘肅人民出版社, 1980. [Избранные народные сказки провинции Ганьсу. Ланьчжоу: Ганьсу жэньминь чубаньшэ, 1980.] (На кит. яз.)
28. Неклюдов С. Ю. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности // Восточная демонология. От народных верований к литературе. М.: Наследие, 1998. С. 6–43.
29. Пу Сун-лин. Рассказы Ляо Чжяя о необычайном. Пер. с кит., комм. В. М. Алексеева. М.: Художественная литература, 1983.
30. Рыбаков В. М. Уголовное преследование бесконтактных покушений на личность по законам династии Тан. Часть 2 // Вестник СПбГУ. Востоковедение. Африканистика. 2012. № 2. С. 117–124.
31. Уголовные установления династии Тан с разъяснениями (Тан люй шу и). Т. 1, цз. 1–8. Введение, пер., комм. В. М. Рыбакова. СПб: Петербургское востоковедение, 1999.

References

1. Pu Songling. *Chronicle of the Strange from Liaozhai Studio: with compiled text-critical notes, annotations and commentaries*. Comp., ed. by Zhang Youhe. Shanghai, Shanghai guji chubanshe, 2011. (In Chinese)
2. Williams E. T. Witchcraft in the Chinese Penal Code. *Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society*. 1907. Vol. 38. P. 61–96.
3. Guo Songyi. Menghanyao (knockout drug) in Qing dynasty criminal case records. *Qing shi lun ji*. Beijing, Zijincheng chubanshe, 2003. P. 144–149. (In Chinese)
4. ter Haar B. J. *Telling Stories: Witchcraft and Scapegoating in Chinese History*. Leiden, Brill, 2006.
5. Wu Jingfang. Drugs and Crime: The Uses and Risks of Anesthetics in Criminal Cases of the Qing Dynasty. *Gugong xueshu jikan*. 2019. No. 36 (3). P. 39–74. (In Chinese)
6. *The Great Qing Code*. Transl. by W. C. Jones. New York, Oxford University Press, 1994.
7. Rybakov V. M. The T'ang criminal law about the prosecution of attempts on the person. *Vestnik of St. Petersburg University*. Ser. 13. 2012. Iss. 1. P. 129–137. (In Russian)
8. *Strange Tales from a Chinese Studio*. Transl. and comm. by J. Minford. London, Penguin, 2006.
9. Pu Songling. *Wang Jinfan's Edition of "Chronicle of the Strange from Liaozhai Studio"*. Ed., comm. by Meng Fanhai, Meng Yuan. Jinan, qi Lu shushe, 2003. (In Chinese)
10. Pu Songling. *Strange Stories from a Chinese Studio*. Transl. and comp. by H. A. Giles. London, T. De La Rue, 1880.
11. Zhao Xiaohuan. Sorcery Crimes, Laws, and Judicial Practice in Traditional China (July 3, 2016). *Australian Journal of Asian Law*. 2016. Vol. 17. No. 1. Article 1. URL: <https://ssrn.com/abstract=2804393> (accessed: 30.07.2020).

12. Cheng Yizhong. *History of Tang Xiaoshuo Prose*. Beijing, Renmin wenzue chubanshe, 2003. (In Chinese)
13. Wiebe C. E. "Banqiao San Niangzi" 板橋三娘子 (Third Lady of Plank Bridge Inn) from Xue Yusi 薛漁思, Hedong Ji 河東記. *Tang Dynasty Tales: A Guided Reader*. Singapore, World Scientific Publishing, 2016. P. 289–338.
14. Cheng Zhixiang. *Stories of People Who Are Here*. Shanghai, Guangyi shuju, 1946. (In Chinese)
15. Alimov I. A. *The Notes of Innermost Miracles: A Concise History of the 7th–10th Century Chinese Xiaoshuo Prose*. St. Petersburg, Peterburgskoye vostokovedeniye Publ., 2017. (In Russian)
16. Cheng Guofu. *Researches on Evolution of Tang-era xiaoshuo*. Guangzhou, Guangdong renmin chubanshe, 1997. (In Chinese)
17. Liu Shouhua. *Studies in Comparative Research of Folktales*. Harbin, Heilongjiang renmin chubanshe, 2003. (In Chinese)
18. Meng Zhaoyi. *Flowers at post stations on the Silk Road: Arabic and Persian Writers and Chinese Culture*. Yinchuan, Ningxia renmin chubanshe, 2002. (In Chinese)
19. Zhu Yixuan. *Source Materials of Liao Zhai zhi yi*. Tianjin, Nankai daxue chubanshe, 2002. (In Chinese)
20. Third Lady of Banqiao Bridge. *Yang Xianyi. Yi yu ou shi*. Jinan, Shandong huabao chubanshe, 2006. P. 59–63.
21. Scobie A. Notes on Walter Anderson's "Märchen vom Eselmenschen". *Fabula*. 1974. Vol. 15. No. 3. P. 222–231.
22. Okada Mitsuhiro. *Research of the Tang tale "Third Lady of Banqiao Bridge"*. Transl. by Zhang Hua. Xian, Xibei daxue chubanshe, 2019. (In Chinese)
23. Qi Lianxiu. *Chinese Ancient Folktale Type Studies*. Shijiazhuang, Hebei Jiaoyu Chubanshe, 2007. (In Chinese)
24. Hu Ying. On sources of the lost Yuan play "Records of Donkey Skin". *Gudai wenzue jiaoxue redian nandian yidian shulun*. Lanzhou, Lanzhou daxue chubanshe, 2010. P. 229–232. (In Chinese)
25. Berezkin Yu. E, Duvakin E. N. *The Electronic Analytical Catalogue of Folklore-Mythological Motifs: Thematic Classification and Areal Distribution. Motif K36*. URL: <http://ruthenia.ru/folklore/berezkin/k36.html> (accessed: 30.07.2020). (In Russian)
26. *Chinese Folk Tales*. Transl. and ann. by B. L. Riftin. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1972. (In Russian)
27. *Selected Folktales from Gansu Province*. Lanzhou, Gansu renmin chubanshe, 1980. (In Chinese)
28. Neklyudov S. Yu. Images of the Otherworld in Folk Beliefs and Traditional Literature. *Eastern Demonology. From popular beliefs to literature*. Moscow, Nasledie Publ., 1998. P. 6–43. (In Russian)
29. Pu Songling. *Liao Zhai's Tales about Strange Things*. Transl. and ann. By V. M. Alexeyev. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1983. (In Russian)
30. Rybakov V. M. The Tang criminal law about the prosecution of attempts on the person. *Vestnik of St. Petersburg University*. Ser. 13. 2012. Iss. 2. P. 117–124. (In Russian)
31. *Tang Dynasty Code (Tang lü shu yi)*. Vol. 1, p. 1–8. Introd., transl., ann. by V. M. Rybakov. St. Petersburg, Peterburgskoye vostokovedeniye Publ., 1999.